

Одесское
Литературно-Артистическое
Общество.

НАШИ ВЕЧЕРА

Литературно-Художественный
Сборникъ.

Выпускъ I.

Одесса, 1903.

ОДЕССКОЕ
Литературно-Артистическое Общество.

НАШИ ВЕЧЕРА

Литературно-Художественный Сборникъ

Выпускъ I-й

ОДЕССА.

Типографія Акціонернаго Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская, соб. д. № 20).

1903.

Дозволено цензурою. Одесса, 19 октября 1902 г.

Предисловіе.

Вошедшія въ настоящее изданіе статьи составляютъ часть матеріала, обязаннаго своимъ появленіемъ литературнымъ и художественнымъ вечерамъ Одесскаго Литературно-Артистическаго Общества.

Предварительно напечатанія, статьи составляли предметъ чтеній или докладовъ на этихъ вечерахъ.

Почти всѣ статьи, равно какъ и рисунки принадлежатъ членамъ Общества, при чемъ три рисунка (гг. Дворникова, Лепетича и Нилуса) были премированы на конкурсѣ Общества въ 1901 году.

Доходъ отъ настоящаго изданія обращается въ фондъ для пособія литераторамъ, художникамъ и артистамъ, состоящимъ членами Общества.

Арнольдъ Беклинъ.

16-го января 1901 года въ Фіезолѣ, возлѣ Флоренціи, скончался великій живописецъ и поэтъ ХІХ столѣтія Арнольдъ Беклинъ.

Съ разныхъ концовъ свѣта къ намъ непрерывно доносятся вѣсти о значительныхъ и мелкихъ событіяхъ человѣческой жизни, изъ которыхъ слагается исторія, а вмѣстѣ съ этими вѣстями облетаютъ міръ связанныя съ ними имена людей. Проходитъ время, мѣняются формы жизни, создаются новые идеалы, выступаютъ новые дѣятели, и только оглянувшись на далекій горизонтъ прошлаго, человѣчество познаетъ истинное значеніе событий и истинное величіе людей.

Какъ путникъ, вышедшій изъ горной страны, распознаетъ среди далекихъ холмовъ, казавшихся ему еще недавно неприступными горами, истинныхъ горныхъ исполиновъ, и чѣмъ дальше удаляется отъ нихъ, тѣмъ ниже и ниже падаютъ холмы и выше вздымаются одинокія вершины, такъ и человѣчество только въ туманной дали исторіи, ступевывающей все незначительное, отличаетъ достойныхъ и великихъ.

Среди такихъ столповъ человѣчества, не теряющихся изъ вида съ незапамятныхъ временъ, остались до нашихъ дней тѣ, которые прозрѣли и пробудили въ человѣческомъ сердцѣ божественное начало духовныхъ радостей. Такіе люди были среди великихъ учителей нравственности и среди художниковъ-поэтовъ, открывшихъ міръ поэзіи, внутренняго созерцанія и научившіе людей выражать свое чувство въ понятной другимъ формѣ.

Быть можетъ, одною изъ такихъ величавыхъ фигуръ начинается выдвигаться на фонъ минувшаго столѣтія мощная фигура Арнольда Беклина—величайшаго живописца ХІХ вѣка.

Это художникъ, душа котораго вмѣстила всѣ проявленія человѣческаго чувства отъ примитивныхъ безформенныхъ ощущеній наивнаго дѣтства до безграничнаго величія таинственной смерти, отъ нѣжной меланхоліи дѣвичьихъ грезъ до суровой печали одиночества, онъ слилъ въ своей всеобъемлющей душѣ животную радость плотскихъ наслажденій съ возвышеннымъ полетомъ философской мысли. Вся безконечная гамма человѣческихъ страстей и настроеній, порождающая великую симфонію жизни, охвачена имъ и воспроизведена въ совершенно особой, имъ самимъ созданной формѣ. Такого колоссальнаго, разнообразнаго и самобытнаго творчества исторія живописи, — искусства крайне ограниченнаго въ средствахъ выраженія не только высшихъ идей, но и простыхъ впечатлѣній, — не знаетъ.

Литература пока еще не богата свѣдѣніями о личности Беклина. Она только начинаетъ зарождаться, такъ какъ Беклинъ не только мало кого интересовалъ почти въ теченіе всей своей 74-хъ лѣтней жизни, но какъ большинство геніальныхъ людей, перешагнувшихъ черезъ пониманіе современниковъ, онъ былъ осмѣиваемъ, какъ художникъ, а картины его вовсе не принимались на многія выставки. Только въ 1890 году на него было обращено вниманіе публики и оскорбительное игнорированіе, невѣжественное осмѣяніе смѣнились восторженнымъ изумленіемъ предъ этимъ невиданнымъ гигантомъ, открывшимъ цѣлый міръ новаго искусства.

Вотъ то немногое, что о немъ извѣстно.

Беклинъ родился въ Базелѣ въ небогатой купеческой семьѣ въ 1827 году. Онъ учился живописи сначала въ Дюссельдорфѣ у Ширмера, потомъ копировалъ старыхъ нидерландскихъ мастеровъ въ Брюсселѣ и изучалъ въ Парижскомъ Луврѣ. 23-хъ лѣтъ отъ роду онъ поселился въ Римѣ, гдѣ и женился на римлянкѣ. На большинствѣ картинъ Беклина женскія фигуры писаны съ жены. Черезъ три года послѣ женитьбы нужда, обычная спутница геніевъ, заставила его переѣхать въ Мюнхенъ. Здѣсь, при посредствѣ немногихъ оцѣнившихъ его друзей, онъ нашелъ поддержку въ лицѣ графа Шака, просвѣщеннаго мецената, который собралъ значительную картинную галерею, предоставленную въ настоящее время въ публичное пользованіе. Въ галереѣ Шака собрано много картинъ Беклина, по которымъ большая публика и знакома съ нимъ, но эти картины далеко не обрисовываютъ его всесторонняго и могучаго творчества; нѣсколько

хорошихъ картинъ его находятся въ Берлинѣ въ національной галлерей, есть хорошія вещи и въ Мюнхенской пинактекѣ, но главное сосредоточено въ Базелѣ, а многія вещи разсѣяны по частнымъ владѣльцамъ и пока мало кому извѣстны. При посредствѣ Ленбаха и Бегаса Беклинъ былъ приглашенъ въ Веймаръ въ качествѣ преподавателя академіи, но черезъ три года онъ снова возвратился въ Римъ, въ страну воздуха и свѣта. Впослѣдствіи онъ бывалъ въ Мюнхенѣ и Базелѣ, гдѣ, между прочимъ, написалъ по заказу фрески для музея, а съ 1876 года жилъ во Флоренціи, гдѣ и умеръ на своей виллѣ, дождавшись только къ концу дней широкаго пониманія его чудеснаго искусства, которое будетъ развиваться въ отдаленномъ потомствѣ.

Рихардъ Муттеръ, авторъ прекрасной исторіи живописи XIX столѣтія, придаетъ большое значеніе влеченію Беклина къ Италіи и приписываетъ ея величавой природѣ то могучее воздѣйствіе, изъ котораго вылилось творчество Беклина. Характеризуя это творчество, онъ съ увлеченіемъ описываетъ самую природу Италіи.

„Величавая, печальна и грандіозна Римская Кампанья съ рядами разрушенныхъ гробницъ и унылыми стадами коровъ на жалкихъ бурыхъ пастбищахъ. Полны таинственности римскія виллы, дремлющія въ меланхолическомъ сліяніи роскоши съ разореніемъ, жизни со смертью, дряхлости съ юностью. Изъ вывѣтривающихся гротовъ и темнозеленыхъ заросшихъ нишъ какъ привидѣнія, глядятъ бѣлыя статуи. Съ высокихъ террасъ, монотонно журча, стекаютъ въ тихіе пруды изсякшіе фонтаны, отражая темные папоротники и увядающіе заглушенные плющемъ кустарники. Столѣтніе великаны кипарисы строго вздымаются къ небу или съ печальнымъ вопросомъ склоняются вѣтромъ.

Но нѣсколько шаговъ отсюда въ Тиволи, и картина вдругъ преобразилась. Отвѣсно, какъ стѣны, взгромождены мощныя, обрамленныя плющемъ и ползучими растеніями, скалы. Изъ расщелинъ выбиваются кустарники и деревья. Бѣшено, какъ сонмище демоновъ, пораженныхъ внезапнымъ ударомъ молніи, стремятся съ воемъ и ревомъ потоки Аніо.

А тамъ Неаполь съ роскошнымъ великолѣпнымъ цвѣтовъ, съ пламенными рубиновыми полными настроенія закатами. Голубые колокольчики обрамляютъ баллюстрады дворцовъ. Вдоль дорогъ изгороди изъ розъ, въ тѣнистой листвѣ зрѣютъ апельсины.

Дальше гомерическій міръ Сициліи; ея утесы то подь мягкой лаской водъ, то подь бурнымъ напоромъ волнъ, подводные камни, голубые гроты, роскошная игра пылающихъ красокъ.

Потомъ милый флорентинскій пейзажъ съ прелестными пѣжными очертаніями холмовъ, съ лужайками и цвѣтниками, съ безчисленными ютящимися въ розовыхъ олеандрахъ бѣлыми виллами, ярко вырѣзывающимися на голубомъ небѣ“.

Таковъ матеріаль, изъ котораго Беклинъ создалъ свои необыкновенныя картины и настроенія. Эта роскошная, вмѣстившая всѣ разнообразнѣйшія формы природа дѣйствительно послужила роскошной сценой для его исключительной, самобытной роскошной поэзіи.

На картинахъ Беклина изображена природа и потому его относятъ къ пейзажистамъ; но изображая не только видимые элементы пейзажа—небо, землю, воду, воздухъ, цвѣты, деревья—то, чѣмъ ограничивается обыкновенный пейзажистъ, присоединяющій къ этому иногда имѣющія большее или меньшее значеніе для картины фигуры, Беклинъ, воспроизводя самую душу природы, съ которой неразрывно связана наша душа, населилъ свои пейзажи фантастическими существами, въ которыхъ образъ человѣка гармонично и естественно слился съ многообразными элементами природы. Эти существа съ такой поразительной ясностью возникли въ необычайной фантазіи художника, такъ просто и естественно скомбинировались изъ знакомыхъ и близкихъ намъ типичныхъ формъ, такъ нераздѣльно связаны съ остальными элементами картины, что при всей своей необычности производятъ впечатлѣніе не только возможныхъ, но вполне реальныхъ существъ и, какъ все гениальное, кажутся уже видѣнными раньше, знакомыми давно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они поразительно вѣрно и точно выражаютъ тѣ смутныя ощущенія, которыя вызываетъ въ насъ сама таинственная природа, ощущенія, которыя мы на своемъ несовершенномъ бѣдномъ языкѣ называемъ неопредѣленнымъ словомъ „настроеніе“.

Беклинъ не давалъ названій своимъ картинамъ, и тѣ названія, которыя здѣсь упоминаются, иногда очень красивыя и мѣткія, даны имъ уже впоследствии другими, но не трудно да и нужно ли давать названія картинамъ, которыя говорятъ яснѣе и больше самихъ удачныхъ и содержательныхъ названій.

Творчество Беклина распадается на два періода. До 1870 года въ немъ еще не закончился тотъ творческій процессъ, ко-

торый завершился во второмъ періодѣ созданіемъ образовъ, выразившихъ въ реальной формѣ таинственную душу природы, но и въ картинахъ перваго періода уже опредѣлилась та грандіозная поэзія, которая не имѣетъ ничего себѣ равнаго въ прежней живописи.

ВИЛЛА У МОРЯ. Съ картины А. Беклина.

Примѣромъ творчества этого періода можетъ служить повторенный имъ въ нѣсколькихъ вариантахъ сюжетъ, обыкновенно именуемый руинами или виллой на берегу моря. Вотъ наиболѣе полный вариантъ.

На скалистомъ морскомъ берегу сквозь разросшуюся и одичавшую растительность виднѣется зданіе классической благородной архитектуры мраморная колоннада, роскошный фонтанъ, великолѣпныя статуи; все торжественно и величаво напоминаетъ о роскошной жизни, полной артистическаго довольства, которая когда то обильной струей текла въ этихъ благородныхъ руинахъ. Но жизнь эта давно изсякла, все запущено, и равнодушное время изо дня въ день подтачиваетъ гранитъ и мраморъ. Спускающаяся къ морю отлогими террасами лѣстница покосилась, кустарникъ разросся и одичалъ; его корни, какъ

костлявыя руки смерти, судорожно охватываютъ выступы скалъ, — всюду пусто, печально и уныло. Вся картина залита тусклымъ свѣтомъ сѣраго осенняго дня, небо тяжелой завѣсой, безъ проблеска надежды спустилось надъ унылымъ моремъ, тихія волны вздыхая взбѣгаютъ на отлогій берегъ, а высокіе кипарисы уже обожженные мѣстами всеуничтожающимъ дуновеніемъ смерти съ торжественной печалью склоняются осеннимъ вѣтромъ; вода изъ бьющаго еще фонтана съ монотоннымъ звонкимъ журчаньемъ стекаетъ въ море. Цѣлая симфонія торжественной печали и унылаго величія. И вотъ по разрушеннымъ ступенямъ террасы сошла и остановилась, прислонившись къ выступу прибрежной скалы, стройная женская фигура, закутанная въ черный траурный плащъ. Она склонила голову на руку и устремила полный безграничной грусти взоръ на далекій морской горизонтъ. Въ этой одинокой фигурѣ къ могучему аккорду печали, звучащему въ картинѣ, присоединилась еще одна человѣческая нота, и вся картина зазвучала необычайной божественной гармоніей поэзіи: къ ногамъ этой одинокой печальной фигуры со вздохомъ покапались одна за другой тоскующія волны, ея лицо обвѣваетъ меланхолическій осенній вѣтеръ, ей, торжественно склонясь, о чемъ то шепчуть кипарисы и звонко журчитъ струя фонтана, въ ея одинокой и скорбной душѣ слилась въ одну цѣльную величественную гармонію печали вся картина.

Въ дальнѣйшемъ развитіи своего творчества Беклинъ замѣнилъ человѣческія фигуры фантастическими образами, въ которыхъ воплотилась въ реальной формѣ сама всесозидающая жизнь.

Вотъ нѣкоторыя картины этого періода.

„Лѣсная тишина“, названная такъ Францомъ Пурлитомъ.

Всякому, кто оставался одинъ въ лѣсной чащѣ, должно быть знакомо то странное жуткое чувство, похожее на ожиданіе необычайнаго и страшнаго, которое испытываешь, вслушиваясь въ лѣсную тишину, напряженную и полную смутныхъ звуковъ. Слухъ становится такъ воспріимчивъ, что трескъ сломанной ногою сухой вѣтки съ силой выстрѣла разносится по лѣсу и заставляетъ внезапно вздрогнуть, все кажется, что тамъ, — за стѣнной стволонъ, скрыто что-то невиданное и страшное. Кто испыталь эту жуткость, знаетъ, что ни одно изъ видѣнныхъ имъ многочисленныхъ изображеній лѣса ни однимъ намекомъ не шевельнуло въ душѣ этого таящагося въ насъ смутнаго страха,

быть можетъ, сохранившася въ таинственной глубинѣ нашей природы со временъ первобытнаго существованія человѣка въ лѣсахъ, наполненныхъ его страшными врагами, съ которыми онъ ежеминутно долженъ былъ быть готовымъ вступить въ смертельный бой.

И вотъ картина Беклина.

Нѣсколько старыхъ мшистыхъ стволовъ рисуютъ мрачный вѣковой боръ; сквозь нихъ еще виднѣются просвѣты опушки,— вы только входите въ этотъ торжественный и таинственный храмъ. По одному изъ стволовъ взбирается испуганная бѣлка, — можетъ быть она произвела этотъ тревожный шорохъ, который уже привлекъ ваше вниманіе и заставилъ насторожить слухъ. А вотъ и олицетвореніе вашей тревоги: изъ-за толстаго ствола выступаетъ широкими мягкими шагами и озирается расширеннымъ косящимъ взглядомъ странное животное съ торчащимъ впередъ длиннымъ рогомъ на лбу, а на спинѣ этого страннаго невѣдомаго существа сидитъ и подозрительно косясь на васъ испуганнымъ и дикимъ взглядомъ дѣвушка, какъ будто и ей жутко въ этой напряженной тишинѣ и отъ неожиданной тревожной встрѣчи. Вы смотрите на это безпокойное чудище, на его расширенный глазъ, на заостренный рогъ, и васъ охватываетъ непонятная тревога, а дѣвушка, сжавшая губы и загадочно глядящая на васъ—сама напряженная жуткая тишина.

А вотъ „Морской штиль“.

Много картинъ посвящено этому сюжету. Само названіе уже вызываетъ знакомое представленіе необъятнаго гладкаго морского простора, неподвижныхъ облаковъ, лѣниваго полета бѣлыхъ чаекъ, идиллическаго покоя. Беклинъ нашель въ этой идилліи совершенно иной смыслъ и выразилъ его въ новой формѣ.

Далекій просторъ покойнаго моря составляетъ только фонъ картины. На первомъ планѣ изъ воды выступаетъ обросшая зеленымъ мхомъ скала и на ней полулежитъ женская фигура съ туловищемъ рыбы; ея рука приподнята и замерла въ воздухѣ, рядомъ съ нею на скалѣ присѣли морскія птицы, усиливая своимъ беззаботнымъ сосѣдствомъ впечатлѣніе невозмутимаго покоя и фигуры, и разстилающейся до горизонта морской глади. Но взгляните въ темные глаза этой женщины со спутанными волосами изъ морской травы,—съ какимъ зловѣщимъ выраже-

ніемъ они устремлены на далекій горизонтъ, сколько въ нихъ безсердечнаго стихійнаго холода, и вы вдругъ почувствуете весь ужасъ, скрытый въ этомъ обманчивомъ покоѣ: съ какой свирѣпостью, быть можетъ, черезъ одно мгновенье проснется въ ней безпричинная дикая злоба, съ какой яростью она вопьется цѣпкими руками въ невинную жертву и безжалостно увлечетъ въ бездонную пучину страшной стихіи. Этотъ холодный злобѣщій взглядъ выразилъ всю обманчивость и непостоянство кроткаго покоя притаившагося чудовища-океана. Вотъ-вотъ сорвется внезапный вѣтеръ, набѣгутъ суровыя низкія тучи, забушуютъ, заревутъ взбѣшенныя волны, ища жертвы для своей безпричинной злобы. И какъ олицетвореніе ледящаго душу ужаса, скрытаго въ бездонной пучинѣ, подъ прозрачной покойной поверхностью воды вы видите отвратительнаго гада съ безобразной головой, который извиваетъ свое кольчатое тѣло, а на груди его безпечно играютъ двѣ ядовитыя змѣйки.

Послѣ этихъ страшныхъ образовъ фантазія Беклина свободно перелетаетъ къ нѣжнымъ и радостнымъ настроеніямъ. Тихое журчанье ручейка онъ претворилъ въ прелестный образъ нимфы подъ покровомъ прозрачной ткани покоящейся въ сладкой дремотѣ, а возлѣ нея въ наивномъ восхищеніи притаились залюбовавшіеся ею сатиры; первое вѣяніе ароматной весны онъ воплотилъ въ образѣ милой дѣвушки, обѣгающей легкою, какъ радостное дуновеніе весенняго вѣтра, поступью поля и разбрасывающею по нимъ весенніе цвѣты, или слилъ съ звукомъ свирѣли мечтательнаго юноши зачаровавшимъ дѣвушку неясными грезами пробуждающейся любви; игру рѣзвыхъ морскихъ волнъ онъ представилъ въ беззаботномъ веселіи играющихъ тритоновъ и наядъ; могучій порывъ бури преобразилъ въ бѣшенную свалку дикихъ центавровъ грызущихъ и поражающихъ другъ друга огромными каменными глыбами. Щедрой рукой генія онъ начерталъ въ живыхъ, понятныхъ и прекрасныхъ образахъ всѣ красоты и могучую обильную жизнь природы, слилъ радость бытія въ роскошномъ „Островѣ счастья“ съ таинственнымъ величіемъ смерти въ „Островѣ мертвыхъ“.

Насколько былъ Беклинъ не понятъ, какъ поэтъ, настолько же не понятъ и не оцѣненъ какъ живописецъ.

Его картины поражаютъ необычайною силою красокъ, которая принималась да и принимается еще многими за грубость. Время развитія творчества Беклина совпало съ знаменательной

эпохой для живописи. Въ это самое время родился и развивался импрессионизмъ, который поглотилъ вниманіе и силы всего молодого, талантливаго и живого. Съ того момента, когда въ 1860 гг. французскій художникъ Манэ своими картинами доказалъ возможность передавать впечатлѣніе видимаго не одними условны-

ЛѢСНАЯ ТИШИНА. Съ картины А. Беклина.

ми коричневыми тонами старыхъ мастеровъ, но и разнообразнѣйшими оттѣнками солнечнаго свѣта, въ воздушныхъ рефлексахъ неба, во взаимодействіи предметовъ отраженными свѣтовыми лучами другъ на друга, открылась богатая новая область plain air'a, которая увлекла всѣхъ талантливыхъ живописцевъ на новый путь и поглотила трудъ и талантъ цѣлаго поколѣнія живописцевъ.

Беклинъ остался самобытнымъ творцомъ и въ этой сферѣ. Онъ взялъ изъ новаго открытія только то, что въ немъ было

существеннаго и шагнулъ далеко впередъ современнаго поколѣнїя. вмѣсто того, чтобы ограничить свои краски рабскимъ подражаніемъ природѣ, результатомъ котораго часто оказывается вмѣсто искусства ремесло, онъ заставилъ ихъ своимъ прекраснымъ выразительнымъ языкомъ говорить о томъ, что стремилась выразить въ фантастическихъ образахъ его творческая мысль. Онъ не стѣснялся употреблять самыя рѣзкія сочетанія, сгущать тона до невѣроятной силы, его краски, какъ о нихъ говоритъ Муттеръ, смѣются, ликуютъ, радуются, его голубые тона — блаженно голубые, красные — ликующе красные, въ меланхолическихъ картинахъ сѣрые тона угрюмы, въ веселыхъ — яркія краски подобраны въ блестящія сочетанія, которыми не можетъ насытиться, какъ самимъ солнечнымъ свѣтомъ, глазъ.

Для достиженія такихъ эффектовъ Беклинъ создалъ особую технику, воскресивши забытые приемы старыхъ великихъ мастеровъ, и его живопись, быть можетъ, дастъ матеріаль для открытія совершенно новыхъ техническихъ приемовъ.

Глядя на необычныя картины Беклина, вникая въ смыслъ этихъ странныхъ фантастическихъ образовъ, поражаясь этой невиданной силой воображенія, многіе должны думать, что все это создано болѣзненной, ненормальной фантазіей, что это „декадентство“, которымъ публика нашего времени привыкла называть все новое, непонятное, неестественное. Наперекоръ такому предположенію, Беклинъ былъ человекъ вполне нормальный, фигура рослая и сильная, характеръ уравновѣшенный и здоровый, онъ любилъ жизнь со всѣми дающими наслажденіе атрибутами. Эти личные качества, въ связи съ его творчествомъ являются знаменательными.

Наше время, время ненормальной, нездоровой жизни, — преисполненія однихъ, нужды, лишеній и вырожденія другихъ, — породило чахлое, блѣдное искусство, подобающее имя которому и есть „декадентское“. Жиденькіе вымышленные сюжеты, общій минорный тонъ, утонченныя нервозныя настроенія, — таковы обычныя черты современнаго художественнаго произведенія.

Этотъ же бодрый, здоровый, жизнерадостный гигантъ, въ которомъ какимъ то чудомъ возродилась первобытная, непосредственная здоровая душа, могучимъ жестомъ указалъ на простую, здоровую, естественную и всеобъемлющую жизнь природы: она грустна въ меланхолическія минуты осени, въ ней скрыта таинственная великая смерть, но она безпечно ликуетъ и ра-

дуются въ прекрасные весенніе дни, она полна довольства въ пору благодатнаго лѣта; полна покоя и блаженнаго счастья въ прохладные теплые вечера, она грозна, беспощадна и могуча въ минуты гнѣва и возмущенія, рождаетъ сладкія трепетныя ожиданія въ мгновенья весенняго возрожденія. Такова и здоровая человѣческая жизнь.

Беклинъ опередилъ на многіе годы ту жизнь человѣчества, которая рисуется въ мечтахъ; это радостное, полное, здоровое существованіе быть можетъ готовится судьбой для грядущихъ поколѣній. Но неужели намъ, его ближайшимъ потомкамъ, не суждено почерпнуть божественной влаги изъ этого обильнаго источника поэзіи?!

В. Куровскій.

